4. *Leclerc J.* «La politique linguistique du français» // [сайт Ж. Леклерка] L'aménagement linguistique dans le monde. Québec. TLFQ. Université Laval. Дата обновления: 28.05.2009. URL: http:// www.tlfq.ulaval.ca/axl/europe/ france-2politik_francais.htm (дата обращения: 12.10.2009).

5. L'emploi de la langue française: le cadre legal // [сайт] DGLFLF. 2008. URL: http://www.culture.gouv.fr/culture /dglf/publications/cadre_legal.pdf (дата обращения: 25.11. 2009).

6. Présentation générale de la loi du 4 août 1994 relative à l'emploi de la langue Française // [сайт] DGLFLF. URL: http://www.culture.gouv.fr/culture/dglf/lois/ presentation_loi_2.htm (дата обращения: 12.11.2009).

Н. П. Ларионова

МОТИВ ХОЛОДА В РОМАНЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «ГОСПОДА ГОЛОВЛЕВЫ»

Мотив холода в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» позволяет писателю создать образ дома-тюрьмы, где один за другим умирают герои, испытывая душевный холод. Восприятие холода как возмездия за предательство сближает автора романа с Данте, который погрузил Сатану и Иуду в пояс вечного льда.

Ключевые слова: интерпретация, холод, предательство, грех, страдание, возмездие.

N. Larionova

THE MOTIVE OF the COLD IN THE NOVEL OF M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN «MESSRS GOLOVLEVS»

The motive of the cold in the novel of M.E.Saltykov-Shchedrin «Messrs Golovlevs» enables the writer to create an image of the house-prison where the main characters die one after another in severe cold. The perception of the cold as the punishment for treachery is similar to the novel of Dante who places Satan and Judas in the belt of eternal ice.

Keywords: interpretation, cold, treachery, sin, suffering, punishment.

В мировой литературе роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» известен и до сих пор привлекает внимание читателей и специалистов как самая мрачная история о вырождении целого дворянского рода.

В академических исследованиях А. С. Бушмина, В. Я. Кирпотина, С. А. Макашина, Д. П. Николаева, М. С.Ольминского, Е. И. Покусаева, В. В. Прозорова, К. И.Тюнькина и других щедриноведов тщательно проанализированы творческая история и идейная наполненность произведения, его жанровое, композиционное и стилевое своеобразие. Литературоведы также указывают на общественно-познавательную и историко-литературную значимость романа М. Е. Салтыкова-Щедрина, определяя место «Господ Головлевых» в одном ряду с такими общепризнанными классическими произведениями, как «Мертвые души» Н. В. Гоголя и «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского. Активному обсуждению в критической литературе подвергаются образы героев семейства: их реальные и литературные прототипы, мотивировки поступков, речь.

Ряд исследований посвящен выявлению творческих связей и параллелей М. Е. Салтыкова-Щедрина с другими известными писателями-современниками: С. Борщевский «Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы» (1956); В. А. Мысляков «О ли-

тературном окружении Салтыкова-Щедрина: В. Р. Щиглев и Щедрин» (1979); Г. А. Охотина «Салтыков-Щедрин и Чехов» (1979); В. А. Мысляков «Щедрин и Михайловский: проблема “героев” и “толпы”» (1990); А. С. Бушмин «Из истории взаимоотношений М. Е. Салтыкова-Щедрина и Эмиля Золя» (1966).

Идея сопоставления двух произведений («Божественная комедия» Данте и роман «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина) возникла не случайно. В ее основе лежит сугубо математическое свойство транзитивности, используемое при характеристике множеств (если *A* подобно *B*, а *B* подобно *C*, то, значит, *A* подобно *C*).

Применим его для сопоставления литературных произведений, которые вот уже на протяжении нескольких веков являются примером выдающегося мастерства писателя и художника-творца. Речь идет о «Божественной комедии» Данте, поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» и социально-психологическом романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы».

Впервые об ассоциативном сходстве поэмы Гоголя и комедии Данте упомянул А. И. Герцен, для которого картины крепостной жизни России представляли собой не что иное, как рвы ада [2, с. 201]. Далее эту мысль подхватил П. А. Вяземский: «О попытках его [Гоголя], оставленных нам в недоконченных посмертных главах романа, положительно судить нельзя, но едва ли успел бы он без крутого поворота и последовательно выдти на светлую дорогу и, подобно Данту, завершить свою “Divina Commedia” Чистилищем и Раем». [4, с. 111].

Поводом для сопоставления произведений Данте и Гоголя стало не только художественное мастерство в изображении человеческого страдания, но и особенности композиции. Автор «Мертвых душ» указывал на трехчастную основу еще не законченного произведения, в письмах делал намеки на должное величие и грандиозность своего замысла, в котором главный герой имеет в душе «…то, что потом повергнет в прах и на колени человека перед мудростью небес».

В академических трудах о единстве взглядов и мотивов Данте и Гоголя писали А. Н. Веселовский, Овсянико-Куликовский и Шамбинаго (идея всеобщего спасения через самопожертвование); Е. Н. Купреянова и Ю. В. Манн (принцип расположения персонажей в порядке возрастающей виновности и душа как предмет изображения).

К человеческой душе обратился и М. Е. Салтыков-Щедрин в романе «Господа Головлевы». По мнению Д. Николаева, писатель «подхватил и продолжил традицию Гоголя» в том смысле, что вновь привлек внимание читателей к помещикам как к классу, отживающему свой последний век.

Современные исследователи отмечают, что Щедрин даже превзошел Гоголя по умению изобразить личность в момент ее наивысшего духовного кризиса, описывая воображаемые диалоги Иудушки и давно умершего старосты головлевского имения Ильи. А. Жук пишет, что «Чичиков только размышлял над списком мертвых крестьян. Иудушка, отвернувшись от живой жизни, вступает в деятельное общение с покойниками» [6, с. 217].

Своеобразный итог о сходстве произведений Гоголя и Щедрина подвел А. С. Бушмин, заявив: «Щедрин показал мертвые души на более поздней стадии их исторического развития» [7, с. 326].

Проанализировав сказанное выше, мы можем предположить, что «Божественная комедия» Данте и роман «Господа Головлевы» Салтыкова-Щедрина имеют сходства, которые проявляются в принципе расположения героев, во всеобщей идее катарсиса и в основных мотивах (времени, холода, движения, смерти и т. п.).

Предметом исследования в данной работе является интерпретация мотива холода в романе «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина в сопоставлении с «Божественной комедией» (Часть «Ад») Данте.

Термин ***мотив*** определяется в литературоведении как основное психологическое или образное зерно, которое лежит в основе каждого художественного произведения; устойчивый смысловой элемент художественного произведения, повторяющийся в фольклорных и литературных произведениях [11, с. 509].

Мотив холода в русской литературе широко распространен, так как восходит к архаическим образам природных стихий (Вода, Воздух). В классическом понимании они, наряду с Землей и Огнем, рассматривались как некое созидающее начало, дарующее жизнь и одновременно разрушающее, жизнь отбирающее. Достаточно вспомнить фольклорные образы живой и мертвой воды («Кощей Бессмертный»), Мороза Ивановича («Морозко»), огня из глазниц черепа («Василиса Прекрасная»). Двойственность действия стихий в произведениях устного народного творчества носила глубокий нравственный смысл: каждому воздавалось по заслугам. Положительные герои (добрые, отзывчивые, трудолюбивые) получали природную силу, которая укрепляла их в стремлении дарить счастье людям. Отрицательные (лентяи, ненавистники, предатели) — принимали наказание за свои проступки.

С развитием литературы образы природных стихий не только не утратили своей значимости, но и стали претерпевать изменения в понимании и толковании. Писатели начали использовать их для создания пейзажа, который зачастую выполнял еще и психологическую функцию — оттенял состояние героев или динамику развития сюжета. Так, в рассказе Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» главный герой гибнет от нестерпимого холода: «…у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить» [5, с. 458]. Кажется, что стихия нарочно издевается над ребенком, заставляя его на время забывать о боли, чтобы потом с новой силой напомнить о себе. Однако писатель показывает, что губительная сила холода становится одновременно спасением, дающим новую счастливую жизнь рядом с Господом, который «…сам посреди их и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей...» [5,с. 462]. Ребенок обретает счастье в горнем мире, среди множества таких же детей, которые безропотно терпели страдание при жизни. Холод здесь — это уже не наказание, это своего рода Путь, который должен преодолеть человек для того, чтобы обрести покой.

В повести Н. В. Гоголя «Шинель» литературоведы впервые обратили внимание на то, что мотив холода характеризует не только и не столько состояние природы, сколько состояние человека и его материальное положение. Холод у Гоголя становится своего рода символом нищеты. Зимние морозы, вынудив Башмачкина потратить все накопления за несколько лет и еще занять в долг на новую шинель, убивают героя. «Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель» [9, с. 168]. Но не только лютый мороз способствует скорой гибели Акакия Акакиевича. «Мотив холода, оборачиваясь своеобразной метафорой, легко переходит из физического мира в «нравственное пространство» (С. Г. Бочаров) петербургских повестей, …где гибель героя посреди холода и мрака бесконечной зимы соотносится с холодом бездушия, окружавшим его всю жизнь» [8, с. 60].

Мотив холода в романе «Господа Головлевы» является одним из сюжетообразующих: основные события из жизни выморочного семейства происходят зимой, когда «земля на неоглядное пространство покрыта белым саваном» [10, с. 114], или в начале весны, когда оттепель сопровождается сильнейшей метелью, которая «…разыгрывается пуще и пуще; то целым снежным ливнем

ударит в стекла окон. То каким-то невыразимым плачем прокатится вдоль печного борова» [10, с. 115]. Подобный выбор времени года обусловлен тем, что в сознании писателя *зима* и *холод* ассоциативно связаны со смертью. Подобное понимание названных образов мы можем найти во многих культурах. Так, в славянской мифологии наступление зимы связывали с временем царствования Марены (богини Зимы и Смерти), которое продолжалось с 25 ноября по 1 марта; в древнегреческой — с образом Деметры (богини плодородия), которая тосковала по своей дочери Персефоне, вынужденной треть года проводить в Царстве Смерти рядом со своим мужем Аидом; в египетской — с Осирисом, который ежегодно умирает, чтобы вновь воскреснуть. Таким образом, зимний (мертвенный) пейзаж становится своего рода фоном для изображения событий из жизни выморочного семейства.

Холод с улицы проникает сначала в дом, а затем и в души Головлевых. Каждый из героев стремится поскорее вырваться из имения, интуитивно ощущая исходящую от него угрозу. Только Степан, имея врожденную склонность к фантазированию, находит точные слова, чтобы описать причину возникновения этого щемящего и леденящего душу чувства. «Он припоминает свою прошлую головлевскую жизнь, и ему кажется, что перед ним растворяются двери **сырого подвала** (выделено мной. — *Н. Л.*), что как только он перешагнет за порог этих дверей, так они сейчас захлопнутся, — и тогда все кончено» [10, с. 27]. Ассоциация, предложенная старшим сыном Арины Петровны, рождает образ дома, расположенного не над землей, как мы привыкли, а под ней, в ее недрах. На эту всепроникающую сущность головлевского имения М. Е. Салтыков-Щедрин будет указывать постоянно. Причем, каждый следующий ассоциативный образ будет погружать дом Головлевых все глубже вниз и так до тех пор, пока тот не растворится в пространстве. Степан представляет остаток своей жизни как «бесконечный ряд безрассветных дней, утопающих в какой-то **зияющей серой пропасти**» [10, с. 28]. А перед смертью он вообще перестанет видеть дом, и его заменит «бесконечная пустота, мертвая, не отличающаяся ни единым жизненным звуком, зловещелучезарная… Ни стен, ни окон, ничего не существовало; одна **безгранично тянущаяся, светящаяся пустота**» [10, с. 50].

Вместе с этим внезапно возникший образ сырого подвала рождает в голове Степана Головлева идею обреченности на дальнейшее страдание, избавить от которого может только смерть. Эта мысль находит подтверждение в истории семьи. «Вот дяденька Михаил Петрович… жил в людской и ел из одной чашки с собакой Трезоркой. Вот и тетенька Вера Михайловна.., которая умерла от умеренности, потому что Арина Петровна корила ее каждым куском, съедаемым за обедом, и выданным поленом дров, употребляемых для отопления ее комнаты» [10, с. 28]. Родовое имение становится своего рода местом заключения. Семейное гнездо, которое должно по определению дарить уют и тепло своим обитателям, превращается в «наглухо запертую тюрьму» [10, с. 49]. М. Е. Салтыков-Щедрин, чтобы утвердить созданный им образ, использует выражения, которые позволяют убедиться в правильности сделанных выводов. Дяденьку Михаила Петровича «дедушка **заточил** к дочери в Головлево» [10, с. 28]; Арина Петровна опасается, что Степан, «даже **заточенный** в контору, будет, словно привидение, ежемгновенно преследовать ее воображение» [10, с. 49]; Аннинька, приехав оформить дела после смерти бабушки, постоянно мечтает «об освобождении из головлевского **плен**а» [10, с. 183]. Да и название первой главы романа, «Семейный суд», позволяет понять, что нахождение в имении — это приговор, который никогда и никем не будет обжалован.

В сознании читателя постепенно формируется образ дома-тюрьмы, который нахо-

дится где-то в изоляции от остального мира и затягивает внутрь многочисленные жертвы, образуя вокруг себя некий водоворот, не позволяющий им выбраться. Холод и сырость, которые насквозь пронизывают усадьбу, дополняют порывы ветра. «На дворе ночь и метелица; резкий, холодный ветер буровит снег, захлестывает все, что попадается на пути, и всю окрестность наполняет воплем» [10, с. 114].

Подобный образ уже известен в мировой литературе. Данте, создавая свою «Божественную комедию», представлял Ад именно как воронку, нисходящую к центру Земли, где распределенные по девяти кругам, души умерших испытывают непрекращающиеся страдания за грехи земной жизни.

Дно адовой воронки — это ледяное озеро Коцит, где вмерзший по пояс находится Сатана. Да и весь девятый круг затянут ледяной коркой, которая образуется от постоянного движения шести его крыльев.

Данте, выстраивая структуру Ада, опирался на мнение Аристотеля о распределении грехов по степени их тяжести (от материальных к духовным) и на воззрения средневековых теологов о том, что существует «холодный» ад как противоположность Геене огненной, где души грешников кипят в смоляных котлах.

Нижний пояс девятого (ледяного) круга называется Джудекка. Сюда, по мнению Данте, попадают души предателей еще задолго до физической смерти человека. Поэт приводит в качестве примера историю Альбериго деи Манфреди, который затаил обиду на родного брата и убил его, заманив в свой дом под предлогом пира. Его душа сообщает Данте, что предательство — это грех, который карается при жизни:

…Когда душа с предательством сживется,
В чем согрешить и мне в миру пришлось,
Плоть тут же в лапы черта попадется.
И он над плотью властвует, пока
В ней даже капля жизни остается.
И черта власть над телом велика.
Зато душа бредет оцепенело
В холодные объятья ледника [1, с. 262].

В Джудекке души физически испытывают страдание от нестерпимого холода. Их глаза слезятся, но слезы мгновенно замерзают, и глаза застилает ледяная корка, которая с течением времени распространяется на все лицо и далее на тело. Тем самым душа предателя лишается возможности сначала видеть, потом — говорить, а затем — и двигаться. Бессмертная, она оказывается погребенной без надежды на прощение и воскрешение.

Едва ль сумеет этот бедный стих
Вам описать ужасные мученья
Тех грешников. Я обнаружил их
В прозрачном льду, застывших без движенья.
Один ничком в бесцветный лед вмерзал,
Другой же — в вертикальном положенье,

Но головою вниз…[1, с. 236].

Представители семейства Головлевых, хоть и живут в хорошо отапливаемой усадьбе, испытывают те же страдания, что и герои Данте: озноб и оцепенение. Так, по мере приближения к имению Степан замечал, что «он все больше бледнел и больше чувствовал, что его начинало знобить» [10, с. 28], а перед смертью и вовсе замолчал, «словно окаменел» [10, с. 54]. Приезд сына Петеньки приводит Порфирия Владимировича в состояние, когда он «встал и застыл на месте, бледный, как полотно» [10, с. 124]. Наконец, Павел Владимирович, увидев Иудушку в Дубровино, «как-то вдруг съежился, как будто его знобить начало» [10, с. 81], а потом ему «почудилось, что он заживо уложен в гроб, и что он лежит словно скованный, в летаргическом сне, не может ни одним членом пошевелить и выслушивает, как Кровопивец ругается над его телом» [10, с. 83].

Если брать во внимание, что Джудекка Данте — это место наказания предателей, то Головлево — это место, их рождающее. Каждый из героев выморочного семейства совершает иудин грех. Арина Петровна предает мужа и детей, поставив во главу угла доход и округление имения. Анна Вла-

димировна тайно бежит из родного дома с заезжим корнетом Улановым и без родительского благословения венчается с ним. Павел Владимирович из упрямства отказывается помочь сиротам — передать им капитал как наследство. Аннинька и Любинька предают самих себя, выбрав участь актрисс-содержанок. Но более всего предательств — на совести Порфирия Владимировича, который невмешательством довел до смерти обоих братьев, трех своих сыновей и мать, позволив ей поселиться на старости лет в полуразрушенном доме (см. статью *«Интерпретация образа Иуды»*). Он даже не боится совершить предательство Бога, в которого-то и верит по-особенному. «Он молился не потому, что любил Бога и надеялся посредством молитвы войти в общение с ним, а потому, что боялся черта и надеялся, что Бог избавит его от лукавого… Но молитва не обновляла его, не просветляла его чувства, не вносила никакого луча в его тусклое существование» [10, с. 135]. Вера в черта и боязнь, что он завладеет его душой, сопровождает Порфирия Владимировича на протяжении всей жизни. А ведь это именно то, что происходит с предателями, по мнению Данте.

И может ли быть случайностью, что два великих творца имеют схожие взгляды на сущность самого тяжкого человеческого прегрешения? Это предмет дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Божественная комедия* // Данте Алигьери / Пер. с итал. Д. Минаева; совр. поэт. ред. И. Евсы; предисл. В. Татаринова; примеч. Т. Шеховцовой]. — М.: Эксмо, 2008.

2. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954.

3. *Гоголь Н. В*. Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 3. Повести / Ред. В. Л. Комарович. М.; Л., 1938.

4. Дантовские чтения / Под ред. И. Белзы. М. Наука, 1985.

5. *Достоевский Ф. М*. Собрание сочинений: В 12 т. Т. XII. М.: Правда, 1982.

6. *Жук А. А.* Русская проза второй половины 19 века: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1981.

7. История русской литературы: В 4 т. Т. 3. Глава двадцать первая. Л.: Наука,1980.

8. *Макашин С. А*. «Сатиры смелый властелин» // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Правда, 1988.

9. *Маркович В. М.* Петербургские повести Н. В. Гоголя: Монография. Л.: Худ. лит., 1989.

10. *Салтыков-Щедрин М. Е*. Собр. соч.: В 20 т. Т. 13. М.: Худ. лит., 1972.

11. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. Л. И. Тимофеева и С. В. Тураева. М.: Просвещение, 1974.

REFERENCES

1. Bozhestvennaja komedija // Dante Alig'eri / Per. s ital. D. Minaeva; sovr. poet. red. I. Evsy; predisl. V. Tatarinova; primech. T. Shehovcovoj. M.: Jksmo, 2008.

2. *Gercen A*. I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954.

3. *Gogol' N. V*. Polnoe sobranie sochinenij: V 14 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. 3. Povesti / Red. V. L. Komarovich. M.; L., 1938.

4. Dantovskie chtenija / Pod red. I. Belzy. M.: Nauka, 1985

5. *Dostoevskij F. M*. Sobranie sochinenij v dvenadcati tomah. T. XII. M.: Pravda, 1982.

6. *Zhuk A. A*. Russkaja proza vtoroj poloviny 19 veka: Posobie dlja uchitelej. M.: Prosveshchenie, 1981.

7. Istorija russkoj literatury: V 4 t. T. 3. Glava dvadcat' pervaja. L.: Nauka, 1980.

8. *Makashin S. A*. «Satiry smelyj vlastelin» // M. E. Saltykov-Shchedrin. Sobr. soch.: V 10 t. T. 1. M.: Pravda, 1988.

9. *Markovich V. M*. Peterburgskie povesti N. V. Gogolja: Monografija. L.: Hud. lit., 1989.
10. *Saltykov-Wedrin M. E.* Sobr. soch.: V 20 t. T. 13. M.: Hud. lit., 1972.
11. Slovar' literaturovedcheskih terminov / Pod red. L. I. Timofeeva i S. V. Turaeva. M., Prosveshchenie, 1974.

Н. С. Масиева

ИССЛЕДОВАНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ В США

Не трудно найти читателей, живущих за рубежом, которые очень хорошо знают азербайджанского писателя Курбана Саида (1905–1942) и его чудесный роман «Али и Нино». Роман был повторно опубликован на 27 языках народов мира, включая русский и английский. Это роман о солидарности мусульман и христиан, лирическая песня о любовном мире. Одно из ценных исследований о Курбан Саиде (Мухаммед Асад беке) был опубликован в США. В своей книге автор-исследователь Том Рейс пытается раскрыть тайну Курбана Саида. Однако несмотря на то, что Том Рейс писал свое произведение под впечатлением собственной версии, он открыл новые аргументы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Том Рейс, Курбан Саид, Али, Нино, полемика.

N. Masiyeva

RESEARCH ON THE AZERBAIJANI WRITER IN THE USA

It is difficult to find readers abroad who do not know the name of the Azerbaijani writer Kurban Said (1905–1942) and his wonderful novel "Ali and Nino". The novel was repeatedly published in 27 different languages of the world, including Russian and English. It is the novel of solidarity of Moslems and Christians, a lyrical song of the loving world. One of the valuable investigations about Kurban Said (Mohammed Essad Bey) was published in the USA. In his thick volume, the author, Tom Reiss, tried to find out the secret about Kurban Said. Though writing under the impression of his own version, Tom Reiss found new arguments for further research.

Keywords: Tom Reiss, Kurban Said, Ali, Nino, polemics.

Одним из самых весомых авторов, издавших в США в последнее время книгу, связанную с азербайджанской литературой, является Том Рейс (Tom Reiss), пишущий о политике и культуре для газет и журналов «The New York Times», «The Wall Street Journal» и «The New Yorker». Его изданная в 2005 году в Нью-Йорке, книга «The Orientalist» («Востоковед»), содержащая 433 страницы, посвящена загадочной жизни и творческому пути одного из самых известных личностей мировой литературы XX века, азербайджанского писателя-эмигранта Курбана Саида [2].

Со времени первого выпуска в свет в 1937 году романа «Али и Нино» на немецком языке в преддверии Второй мировой войны венским издателем, истинная личность автора, скрывающегося за псевдонимом Курбан Саида (1905–1942), представляла интерес для читателей.

Герои этого лирического любовного романа, опубликованного на 27 языках народов мира, в том числе — на русском, а в Америке — на английском языке, поют песню мира о взаимопонимании между Востоком и Западом, о солидарности мусульман и христиан.